

Денисова Ирина Валентиновна

Кандидат искусствоведения, доцент РМАТ

denisovairina@rambler.ru

8-985-190-41-21

Корпоративная культура средневекового города как гарант прав и свобод его граждан.

«Городской воздух делает свободным»

В условиях глобализации все мы оказываемся жителями одного города. Умберто Эко, например, связывает с глобализацией положительные надежды. Главный вопрос глобализации состоит в том, какой силой обладает тот город, то правовое пространство, в котором мы живем, хотя бы внутри «городских стен», насколько это общее пространство оказывается однородным, и, что более важно, насколько это место оказывается нашим.

Хотя правовые нормы и провозглашаются всегда как универсальные, тем не менее, они всегда действуют в определенных границах, на некой суверенной территории: вольного города, субъекта федерации, независимого государства.

Так как источником права всегда является город, то субъектом права по-прежнему остается гражданин, за которым стоит сила его полиса, а не отдельный человек как представитель рода человеческого. Всякий человек оказывается зависим от того пространства, в котором он живет, в частности от пространства культуры и пространства морали. Человек имеет право занимать собственное место, и апеллировать к роду человеческому как источнику права. На этом принципе основывалось средневековое право на убежище.

Сегодня важным вопросом современных городов, наряду с правом на убежище, является вопрос о гостеприимстве, которое в глазах современных жителей мегаполисов, озабоченных безопасностью, кажется пережитком прошлого или непозволительной роскошью. Все чаще современные города отказывают в праве на убежище, вводя новые и более совершенные формы контроля за своими гражданами. В этом кризисе гостеприимства проглядывает и общий упадок города как автономного правового пространства. Сегодня же мы имеем дело с «концом города» в том смысле, что город перестал быть убежищем и гражданство города не несет более защитной функции. В связи с этим изменились как юридические, так и обыденные представления об иностранце, иммигранте, депортированном, беженце, которые также должны быть проанализированы философски. Проблема города ставится как в правовом, так и в политическом аспекте. Во-первых, рассматривается право города давать убежище, а значит выступать источником права (как в широком смысле, так и право на спасение), во-вторых, прослеживается взаимосвязь права и того пространства, которым оно гарантировано.

Многочисленные города контрастов свидетельствуют не только о распаде города, но и о кризисе права, привыкшего существовать внутри городских стен. В вопросе о праве на убежище, праве на покаяние и гостеприимстве всякий раз избегает юридического разбирательства отчасти потому, что эти права, в строгом смысле, не являются нормами, главным образом, потому что они отсылают нас к естественным межчеловеческим отношениям.

Сегодня для того чтобы осознать проблемы современного города необходимо вернуться к истокам. Для этого мы обратимся к некоторым чертам средневекового города как колыбели современной урбанистической цивилизации. При внимательном рассмотрении мы обнаружим много общих черт, а иногда и констант, всегда присутствовавших в городских общинах.

Город, по выражению Макса Вебера, был «местом перехода из несвободного состояния в свободное», и это завоевание горожан явилось «великим, в сущности, революционным новшеством». Все горожане сумели добиться личного освобождения от крепостной зависимости. Поэтому если бежавший в город крепостной крестьянин жил в нем в течение определенного срока, обычно — один год и один день, он также становился свободным и ни один сеньор не мог вернуть его в крепостное состояние.

Одной из характерных особенностей западноевропейского средневекового общества была его корпоративная структура. «Дух средневековья, — по словам Ле Гоффа, — постоянно порождал общины, братства, всевозможные корпорации». Средневековый город не был исключением. Городское сообщество, или община, возникает вместе с ним, «независимо от того, в какой степени ясно осознавалось правовое понятие «корпорации» как таковое.

В городе, как и сегодня, жили люди разных профессий, разного имущественного и социального статуса. Ремесленники средневековых городов объединялись в цеха. Цех представлял собой мощную политическую, экономическую и военную организацию. Во многих городах именно цеха были основной политической силой города. Власть купцов и олигархов характерна лишь для крупных торговых городов Италии или Ганзейского союза. Цех обладал абсолютной монополией на производство определенных товаров, а часто и на торговлю этими товарами в черте города. Члены цеха обладали многими правами и привилегиями. Цеховые старшины входили во все выборные органы власти, они фактически управляли городом. Военную силу города составляли цеховые ополчения. Люди, принадлежащие одному цеху, составляли отдельный отряд и выходили на поле боя со своим знаменем. Иногда и обязанности по поддержанию порядка в городе возлагались непосредственно на цеха - в городе не было стражи вообще, а каждый цех контролировал определенный район города и люди цеха наводили там порядок.

Ремесленники делились на мастеров, подмастерьев и учеников. Полноправными членами цеха были только мастера. Подмастерья и ученики тоже имели определенные права, но не могли участвовать в управлении цехом. Менее известно, что ремесленные цеха имели тенденцию довольно быстро становиться закрытыми организациями. Стать мастером цеха человеку, не принадлежащему к семье одного из мастеров, было практически невозможно. Многие цеха уже веку к XII прямо закрепляли это правило в своем уставе.

Сообщество жителей небольшого города было достаточно тесным, закрытым и с неприязнью относилось к всевозможным "чужакам". В крупных торговых городах уровень ксенофобии был ниже, но все равно, новый в городе человек, который не мог при случае выставить за себя двоих поручителей из числа достойных горожан, во многих ситуациях оказывался в сильно проигрышном положении по сравнению с коренным жителем города. Опозиция «свой-чужой» и сегодня актуальна. Возникает понятие «комьюнити» - целые районы или улицы, в которых, как и раньше проживают люди одинакового статуса, одинаковых доходов иногда одинаковых профессий.

Вообще городское общество было жестко структурированным и подчинялось строгим законам. Горожане были свободны от личной власти феодала, однако регламентация его жизни была очень строгой. Чтобы сохранить свой статус, не выпасть и не быть изгнанным из городского сообщества горожанин должен был соблюдать тысячи писанных и неписанных правил и законов, которые связывали его жизнь.

Горожан сплачивали общие интересы, профессиональные занятия, принадлежность к корпорациям. Однако главное – сходство городского строя и городского права с общинными распорядками. Городская община формировалась за счет беглых крестьян. В городе бывший крестьянин становился сочленом совсем иной социальной общности, гетерогенной и, вместе с тем, целостной. Причина этого – в общности интересов товарного производства и обмена, несовместимых с несвободой, что предопределило единство горожан – от купца до поденщика – в коммунальной борьбе. Бежавшие от своих señоров крестьяне, селившиеся в возникавших городах, приносили с собой из деревни обычаи и навыки существовавшего там общинного устройства. Строй общины, изменённый в соответствии с условиями городского развития, сыграл очень большую роль в организации городского самоуправления в средние века. Общинные обычаи, принесенные крестьянами в города, повлияли на формирование городского сообщества и способствовали сплочению горожан, но это не было прямым повторением сельских порядков.

Борьба между señорами и горожанами, в процессе которой возникало и складывалось городское самоуправление, протекала в различных странах Европы по-разному, в зависимости от условий их исторического развития. В Италии, например, где города рано достигли значительного экономического расцвета, горожане добились большой самостоятельности уже в XI—XII вв. Многие города Северной и Средней Италии подчинили себе значительные области вокруг города и стали городами-государствами. Это были городские республики — Венеция, Генуя, Пиза, Флоренция, Милан и др.

Сходное положение имело место и в Германии, где так называемые имперские города начиная с XII, а особенно в XIII в., подчиняясь формально императору, на деле являлись независимыми городскими республиками. Они имели право самостоятельно объявлять войну, заключать мир, чеканить свою монету и т. д. Такими городами были Любек, Гамбург, Бремен, Нюрнберг, Аугсбург, Франкфурт-на-Майне и другие.

Немало исследований рассматривают городскую общину как независимую от señора коммуну, возникшую в результате коммунальной борьбы. Городская община выступает как носитель особого, купеческого права. В городских хартиях можно найти основания

для таких выводов. Согласно Фрайбургскому праву 1120 г. все спорные вопросы в городе должны были разрешаться «по местным обычаям и законному праву всех купцов, более же всего по закону кельнских купцов». Кельнское право служило образцом для составления конституций многих немецких городов.

Многие города Северной Франции — Амьен, Сен-Кантен, Бове, Лан и др. — в результате упорной и ожесточённой борьбы добились права самоуправления и могли выбирать из своей среды городской совет и должностных лиц. Во Франции и в Англии глава городского совета назывался мэром, а в Германии — бургомистром. Самоуправляющиеся города (коммуны) имели собственный суд, военное ополчение, финансы и право самообложения.

В то же время они освобождались от выполнения обычных сеньориальных повинностей — барщины и оброка и от различных платежей. Обязанности городов-коммун по отношению к феодальному сеньору ограничивались обычно лишь ежегодной уплатой определенной, сравнительно невысокой денежной ренты и посылкой на помощь сеньору в случае войны небольшого военного отряда.

На Руси в XI в. с развитием городов усилилось значение вечевых собраний. Горожане, как и в Западной Европе, вели борьбу за городские вольности. Своеобразный политический строй сложился в Новгороде Великом. Он представлял собой феодальную республику, но большие политическую силу там имело торгово-промышленное население.

Среди специфических черт социального климата западноевропейского средневековья нет ничего более своеобразного, чем городская общность. Горожане, благодаря завоеванной относительной свободе, образу жизни, интересам, ментальности, составляли подлинно инородное тело. В отличие от вассального договора, соединявшего высшего с низшим, городская коммуна была клятвой равных. Феодальной иерархии было противопоставлено горизонтальное общество. Причина этого объясняется качественной новизной средневековых городов, возникших между X и XIII вв. По сравнению с раннесредневековым городом как средоточием политической и религиозной власти в городах «возобладала функция экономическая.

В городских хартиях горожане зачастую выступают как «народ» (*populus*), «община» (*universitas, communitas*). При согласии «всего народа города» страсбургский епископ назначал судей. С общего согласия всех горожан реймский архиепископ назначал в Аргонне мэра и присяжных. Все денежные поступления от медебахцев, заверяет кельнский архиепископ, должны идти «на общую пользу всех горожан». Решения по важным для жителей Кельна вопросам принимались «со всеобщего согласия всего народа Кельна». Во всех постановлениях тулузского консулата горожане именуется так: «все мужчины и женщины Ситэ и Бурга Тулузы». Решения принимались на общем собрании горожан, в частности, «за воротами Вильнау, в присутствии всего собравшегося там народа». Эта универсальная формула — «по общему совету всех горожан (общины)» — зафиксирована в хартиях французских, фландрских, немецких, английских городов.

Наряду с термином «*universitas*» в хартиях встречается слово «*communitas*», причем независимого от того, являлся ли город в полном смысле коммуной, как Сент-Омер, Руан,

Лан, или, например – с юридической точки зрения – не являлся таковым (Кельн, Страсбург). Несомненно, жители каждого города воспринимали себя как некое единое сообщество по отношению к сеньору, а также представителям других городов, чужакам и иноземцам, то есть не-горожанам. Иногда в одной и той же грамоте употреблялись оба слова: «...от имени всей коммуны и общины».

Чтобы понять, для чего горожане объединялись в союз и приносили взаимную присягу, достаточно вчитаться в тексты городских хартий. «Для того, чтобы, если потребуется, каждый помогал своему ближнему, как если бы это был его брат», – сказано в хартии г. Эрена. Сен-Кантенская хартия 1151 г. провозглашает: «Эта коммуна учреждена для того, чтобы ее люди со всем их имуществом пользовались безопасностью и свободой. Очень выразительно и эмоционально этот принцип выражен в хартии г. Гослара: ...да возрадуется свободе, являющейся достоянием всех горожан, тот, кто проживет год и день в пределах городской черты, не будучи никем востребован в качестве серва». Отсюда ясно, что городская община, отстаивающая свои права перед сеньором, конституируется в ходе коммунального движения. Каждый город проходил в нем свой путь, не посягая на феодальную систему в целом.

Но для чего, например, в 1112 г. в Кельне горожане создали «союз ради свободы» (*conjuratio pro libertate*). «... это новое слово «коммуна» означает, что все жители, обязанные платить поголовно определенный чинш, должны были выплачивать раз в год своему сеньору обычные крепостные повинности, а за свои противозаконные поступки платить определенный штраф. От несения же повинностей и оброков, которые обычно налагаются на сервов, они совершенно освобождаются».

Городская община устанавливала правовое равенство ее сочленов, причем дворяне, министералы и клирики в нее не допускались. Об этом свидетельствуют, в частности, некоторые статьи Фрайбургского права. Городское право было нацелено на общее благо, а не на пользу кому-то одному. Так, в Зёсте горожанин, нанеший физический или моральный ущерб согорожанину, лишался бюргерских прав. Средневековое городское право выделяло город из окружающего феодального мира и закрепляло формальное равенство прав и обязанностей граждан – прежде всего через одинаковую свободу от сеньориальных повинностей.

Однако правовое равенство не означало однородность и бесконфликтность городского сообщества. Трудно сказать, что преобладало – единство общины или противоречия внутри нее. Уже самые ранние источники зафиксировали разделение горожан на богатых и бедных. Знаменитое кельнское восстание 1074 г., по словам хрониста, возглавили богатейшие купцы. Здание, где заседал кельнский суд, называлось «Домом богачей». Там же, в Кельне, с XII в. существовал даже «Цех богачей» (*Richerzeche*). Во многих английских городах коммунальное движение возглавила «торговая гильдия», в которую входили купцы, верхушка ремесленников, земле- и домовладельцы.

«Конец города»(Ж. Деррида) связан не только с тем, что гостеприимство, право на убежище или право на прощение стали фактами истории, но и с тем, что город перестал быть единым правовым пространством. Жизнь людей в разных районах современного города отличается больше, чем жизнь в разных провинциальных городах; иными словами

город перестал быть монолитным культурным, языковым, политическим, а значит, и правовым пространством. Современный мегаполис превращается в скопище «мест всеобщей коммуникации (аэропорта, метро, огромного супермаркета), мест, где люди лишаются своего гражданства, подданства, своей территории». Выход за пределы прежнего правового пространства, «конец города» и глобализацию закономерные и необратимые процессы.

Любой вопрос о власти сводится к очертанию тех «городских стен», внутри которых эта власть осуществляется, будь то границы государства или пределы влияния той или иной системы идей, ценностей и прав. Права человека оказываются не так уж всеобщими, как на то надеялись европейцы. Ведь всякая мысль сильна лишь в том случае, если она находится на своем месте. А последнее свидетельствует как раз о том, что всеобщих идей, ценностей и прав существовать не может. А такой вывод прямоком отсылает к размышлению над не менее сложной проблемой современного общества, проблемой космополитизма.

Литература:

1. Вебер М. Город // Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 336.
2. Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М., 2000. Т. 3. С. 7.
3. Общности и человек в средневековом мире. Москва – Саратов, 1992.
4. Город в средневековой цивилизации...М., 2000. Т. 3.
5. Belov G. v. Die Entstehung der deutschen Stadtgemeindle. Düsseldorf, 1889. S. 49–50, 53.
6. Koebner R. Die Anfänge des Gemeinwesens der Stadt Köln, 1922. S. 236–237.
7. Тьерри О. Городские коммуны во Франции в средние века. СПб., 1901. С. 2, 8, 9.
8. Гизо Ф. История цивилизации в Европе. СПб., 1898. С. 137, 142, 145.
9. Koebner R. Op. cit. S. 110, 230.
10. Средневековое городское право XII – XIII вв.: Сб. текстов / Сост. Т. М. Негуляева, Л. И. Солодкова. Саратов, 1989. С. 40.
11. Ястребицкая А. Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. М., 1995. С. 92–93.
12. Die Stadt des Mittelalters / Hrsg. v. C. Haase. Darmstadt, 1973. P. 3. S. 377.
13. Город в средневековой цивилизации...М., 1999–2000. Т. 1–4; История Европы. М., 1992. Т. 2: Феодалы в городе: Запад и Русь / Под ред. А. А. Сванидзе. М., 1996.
14. Ястребицкая А. Л. Европейский город. М., 1993. С. 29.

15. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 272.
16. Стам С. М. Средние века: город, ереси, Возрождение, Реформация. Саратов, 1998. С. 278. [59]
17. Urkunden zur städtischen. Verfassungsgeschichte Deutschlands / Hrsg. V. F. Keutgen. В., 1901. Bd. 3. S. 269.
18. Социальная история средневековья / Под. ред. Е. А. Косминского и А. Д. Удальцова. М.;Л., 1927. Т. 2. С. 246.
19. Средневековое городское право...С. 51.
20. Quellen zur Geschichte der Stadt Köln / Hrsg. V. L. Ennen und G. Eckertz. Köln, 1860. Bd. 1. P. 550, 570, 571, 578.
21. Капитулярный Тулузского консулата (XII – XIII вв.) / Пер. с лат. Л. М. Лукьяновой; Вступ. ст., примеч., ред. С. М. Стама. Саратов, 1998. С. 184.
22. Там же. С. 165, 294.
23. Стам С. М. Указ. соч. С. 276.
24. Средневековое городское право...С. 144.
25. Город в средневековой цивилизации...Т. 1. С. 28.
26. Социальная история средневековья...С. 232–233.
27. Средневековое городское право...С. 41.
28. Там же. С. 118, 120.
29. Рогачевский А. Л. К вопросу о концепции городского права в памятниках Магдебургского права XIII – XV вв. // Средневековый город. Саратов, 1991. Вып. 10. С. 49.
30. Annales Colonienses maximi. P. 186–187.
31. Солодкова Л. И. Ранний Кельн: социально-экономическое развитие и освободительная борьба горожан (XI – XIII вв.). Саратов, 1991. Гл. 3.
32. Город в средневековой цивилизации...Т. 1. С. 31.